

К. Итокава

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ В РОМАНЕ «БЕСЫ»: «САМОЗВАНЕЦ» ШАТОВ¹

В двух предыдущих докладах, с которыми я выступал в 1997 г. на конференции «Достоевский и мировая культура» в С.-Петербургском музее Ф. М. Достоевского и в 1998 г. на X Симпозиуме Международного общества Достоевского в Колумбийском университете в Нью-Йорке, я попытался выяснить парадоксальность образов героев романа «Бесы» — Николая Ставрогина и Петра Верховенского². В настоящем докладе я ставлю задачу сделать то же самое применительно к образу Ивана Шатова.

Ставрогин проникательно узнает тайны и слабые стороны Верховенского и Шатова потому, что он знает это и в самом себе: ведь он сам как «учитель» передал своим «ученикам» свое. В беседе с «учителем» Ставрогиным «ученик» Шатов выдает свой секрет и обнаруживает свое слабое место. Вот кульминация их беседы:

«— Извольте, <...> — сурово посмотрел на него Николай Всеволодович; — я хотел лишь узнать: веруете вы сами в Бога или нет?

— Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... — залепетал в испуге Шатов.

— А в Бога? В Бога?

— Я... я буду веровать в Бога» (10; 200–201).

Другими словами, Шатов фактически здесь признается, что в данный момент он не верует в Бога: горячий проповедник сам оказывается неверующим.

Можно сказать, что в этой сцене Ставрогин обнаруживает «маску» Шатова — верующего. Тут Шатов приоткрывает другой свой лик. Оказывается, что он является своего рода «самозванцем», так сказать — «самозванцем веры». Не случайно, в «Бесах» действует немало самозванцев (Ставрогин, Верховенский) — одним из них, на мой взгляд, является Иван Шатов. Это его качество впервые проявляется в приведенной сцене. Интересно, что Шатов выдумал «самозванца» Ставроги-

---

¹ Доклад прочитан 10 ноября 1998 г. на XXIII Международной конференции «Достоевский и мировая культура» в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге.

² См.: Итокава К. Парадоксальное в романе «Бесы» (Николай Ставрогин и Петр Верховенский) // Достоевский и мировая культура. М., 1998. № 12. С. 116–125; Итокава К. Парадоксальное в романе «Бесы»: Тайное и явное «Главаря» Петра Верховенского // Japanese Contributions to the Xth International Dostoevsky Symposium: 23 July — 2 August 1998, Columbia University, New York. — Sapporo, 1999. С. 54–59.

на, а Ставрогин, в свою очередь, обнаружил «самозванство» Шатова. Тут выясняется, что название романа — «Бесы» тождественно названию «Самозванцы». «Бесы» в названии романа Достоевского — это не что иное, как «самозванцы». Это естественная реализация замысла, в котором члены «пятерок», «слепленных» Верховенским, образуют пирамиду со Ставрогиным на вершине.

Надо сказать, что когда герои романа в продолжение всего развития сюжета играют только свои роли, то, несмотря на распределение ролей, они теряют оживленность и человечность. В таком случае, оставаясь персонажами «романа-памфлета», они не способны стать героями «романа-трагедии».

Как известно, герои романов Достоевского во многом наделены характерными особенностями самого писателя. А каким человеком был Достоевский в отношении веры и неверия, по отношению к религии и атеизму? Широко известны такие строки из его писем: «<...> я — дитя века, **дитя неверия и сомнения** до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, **чем более во мне доводов противных**» (28, I; 176). Или еще, сказанное в год начала работы над «Бесами»: «Общее название романа есть: „Житие великого грешника“ <...> Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — **существование Божие**» (29, I; 117). Отсюда естественно предположение, что и герои романа «Бесы», в том числе и Шатов, будут колебаться — или «шататься» — между верой и неверием, в вопросе «существования Божия». Больше того, надо сказать, что если герои романа не причастны к мукам их «творца», то это даже неестественно и почти невероятно. И это предположение оправдывается.

Шатов, действительно, колеблется между верой и неверием. Интересно, что он сам бессознательно обнаруживает свое колебание. Касательно Кириллова он говорит: «Убеждение и человек — это, кажется, две вещи во многом различные» (10; 446). Этот тезис, возможно, проясняет многое в отношении не только «самозванца» Шатова, но и других героев—«самозванцев». Возможно даже, что он дает ключ к тайне всех героев—«бесов», к тайне всеобщего «самозванства» в романе.

«Убеждение» самого Шатова решительно лишено основания. Впрочем, нельзя обвинить его в лжеверовании и в лжепроповеди. Тут всё не абсолютно, а относительно и не вечно, а временно. По крайней мере, у него, так же как и у его творца, самого Достоевского, — «жажда веры». Правда, сейчас он не верует в Бога, но нельзя забывать, что он говорит: «Я... я буду веровать в Бога» (10; 200–201).

И таков не один Шатов. Кстати, таких людей немало и в действительной жизни. И тут нам следует обратить внимание на одного из реальных прототипов Шатова. Я имею в виду В. Кельсиева. Характеризуя

его, А. И. Герцен писал: «Особенно оригинально было то, что в скептическом ощупывании Кельсиева сохранилась какая-то примесь мистических фантазий: он был нигилист с религиозными приемами, нигилист в дьяконовском стихаре. <...> он был готов покинуть все, чтоб искать его <дело. — К. И.>, готов был не только идти на край света, но сделаться монахом, **приняв священство без веры**»³. Из этой характеристики хорошо видно, что, действительно, Кельсиев весьма близок к Шатову и что от такой позиции совсем недалеко до «самозванства», «самозванства» в религии.

Итак, в романе «Бесы» два аспекта, два мотива «самозванства» — политический и религиозный. В первом главную роль играют Ставрогин и Шатов, во втором — Кириллов и Шатов. Нас интересует тот факт, что Шатов играет важную роль в обоих мотивах.

Самозванство неразрывно связано с двойничеством. Это объясняется тем, что им равно присущ «бинарный» принцип в философском смысле... По той же причине самозванец и двойник имеют много общего. Не случайно мотив самозванства у Достоевского впервые возникает в «петербургской поэме» «Двойник» (1846). Этот тезис был выдвинут в 1994 г. Р. Н. Поддубной в статье «Двойничество и самозванство», где есть такие строки: «Новые признаки самозванного „амплуа“ позволяют по-новому взглянуть на героев Гоголя и Достоевского и увидеть связь между самозванством и двойничеством»⁴.

Самозванство Шатова, на мой взгляд, тоже неразрывно связано с его двойничеством. Шатов в начале романа выглядит существенно иным по сравнению с Шатовым в конце романа. Шатов в главе «Путешественница» (Часть третья, глава первая) совсем не похож на Шатова в главе «Ночь» (Часть вторая, глава первая). Контраст Шатова прежнего и нового здесь налицо. Впрочем, поскольку и тот и другой Шатов — это один человек, лучше сказать, что «ранний» Шатов ближе к «самозванству», «поздний» — к «двойничеству».

А каков Шатов-«двойник»? Каково различие между «двумя» Шатовыми — первым, прежним, и вторым, новым? В главе «Ночь» перед нами Шатов, устремленный «к небу», к сверхчеловеку. Там он гордец, гордый человек. А в главе «Путешественница», наоборот, перед нами Шатов, устремленный «к земле», к человеку. Здесь он скромный человек, самоотверженно ухаживающий за бедной женщиной, своей женой Марьей Шатовой.

Анри Труайя писал: «Достоевский, как и Шатов, идет к Богу через народ. Но тогда как для Достоевского народ — этап на этом пути, для Шатова народ — конечная цель.

³ Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 томах. М., 1975. Т. 7. С. 313, 317.

⁴ Поддубная Р. Н. Самозванство и двойничество // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 29.

В его сознании элементы народной веры христианской так перепутались, что он уже не может их разграничить. В Шатове воплощены ошибки русских религиозных сект, которые примешивали язычество крестьян к евангельскому культу Христа. <...> Источник тоски Шатова как раз в том, что в предписаниях этой варварской религии он больше не находит Христа. Он не догадывается, насколько проще и щедрее истинная вера! Счастье близко, но он ищет его ощупью, как слепой.

Он отдает себе в этом отчет, когда его жена, когда-то изменившая ему со Ставрогиным, возвращается к нему, чтобы родить. Он принимает ее со смешанным чувством робости и восторга. Он окружает их заботами, удивляющими его самого. И когда ребенок рождается, когда на его глазах происходит чудо появления новой жизни, незнакомое ему доселе ликование охватывает все его существо.

„— Тайна появления нового существа, великая тайна и необъяснимая, — заключает он.

— Эх, напорол! Просто дальнейшее развитие организма,“ — заявляет акушерка, зараженная идеями социализма.

Но Шатов ее уже не слушает: он видел чудо, он уверовал: и отныне будет верить всегда. Впервые за много лет он чувствует себя счастливым⁵.

Ясен контраст между, так сказать, «двумя» Шатовыми — первым и вторым. Они так же контрастны, как господин Голядкин-старший и господин Голядкин-младший в поэме «Двойник».

А в чем суть этого контраста? На этот вопрос можно, пожалуй, ответить так: суть контраста — в различии между словом и поступком, в различии между красноречием и молчанием.

В то время как Шатов в главе «Ночь» представляет собой, так сказать, «человека слова», в главе «Путешественница» он же является «человеком дела». В контрасте с многословием там, здесь он не произносит ни одного слова о Боге, религии, вере. Он здесь безмолвен, и это вполне понятно при таких обстоятельствах. Он не поднимает и таких вопросов, которые бы поднимали неверующие. Здесь, так сказать, он осуществляет слово Божие на практике, соблюдает религиозное учение и «ходит в вере». Здесь он человек дела, а не слова. Он двигает ногами и руками, а не ртом. Хлопочет о пище, питье и постели для Марьи Игнатьевны. А узнав о приближающихся родах, он мечется в поисках необходимых денег и акушерки. Он буквально является во всей этой главе «человеком дела».

Красноречие Шатова в главе «Ночь» и его молчание в главе «Путешественница» выразительно контрастны. И в этом контрасте легко прочитывается пословица «Слово — серебро, молчание — золото». Ясно

⁵ Труайя Анри. Достоевский (главы из книги) // Достоевский и мировая культура. М., 1996. № 7. С. 172–173.

без лишних слов, что эта пословица искусно выражает парадоксальность жизни.

Обращаясь к Ставрогину, самозванцу и антихристу, имя которого несет в себе греческий корень «ставр» — «крест», сам Шатов становится подобным своего рода самозванцу и антихристу. Обращаясь же к Марье Игнатьевне, своей жене и жертве Ставрогина, имеющей имя Марья — имя Богородицы, сам Шатов становится похожим на настоящего человека и даже своего рода Сына Божиего. Р. Гуардини пишет: «Трогательны и исполнены печальной красоты те сцены, в которых живописуется его <ребенка. — *К. И.*> появление на свет, и то, как Шатов, этот заблудившийся мечтатель, находит благодаря ей <Марье Шатовой. — *К. И.*> путь настоящей жизни и любви в свой последний час перед гибелью от рук озверевшей банды»⁶.

И тут вновь у нас в ушах звучит тезис самого Шатова: «Убеждения и человек — это, кажется, две вещи во многом различные». Поистине, убеждения Шатова, связанные со Ставрогиным, и Шатов-человек, обнаружение которого было обусловлено ситуацией с Марьей Тимофеевной, — это «две вещи во многом различные». Они составляют резкий контраст друг с другом. И нельзя отрицать, что в этом контрасте таится какой-то намек на парадоксальность этого образа, — Ивана Шатова.

---

⁶ Гуардини Р. Человек и вера. Брюссель, 1994. С. 215.